

Лев БЕРДНИКОВ

НЕОТКРЕСТИВШИЙСЯ

Железнодорожный король России XIX века, банкир, правозащитник, отец пацифистского движения, организатор науки, ученый самого широкого диапазона, он получил всемирную известность и даже был номинирован на Нобелевскую премию мира.

Речь идет об Иване Станиславовиче Блюхе (1836–1902). Фамилия Блюх (Блох, Блок, Волох, Валах) произошла от польского слова «Wloch» (в переводе: «итальянец»). Так поляки называли сефардов — выходцев из Италии. Одним из носителей фамилии был далекий потомок тех итальянских переселенцев, «чрезвычайно умный и энергичный» иудей Селим Блох, уроженец Познани. В этом городе, принадлежавшем тогда прусской короне, евреи селились еще с XIV века и в конце XVIII века составляли уже $\frac{1}{8}$ часть общего населения. Как и во всей прусской Польше, здесь укрепилось влияние последователей Хаскалы, так что многие евреи были сторонниками европейского влияния и европейской культуры. Однако в правах тамошние иудеи были поражены и лишь в 1847 году уравнены с их собратьями в других прусских провинциях.

Жизнь в Познани у Селима не задалась, и он переехал в другой польский город — Радом, находившийся уже под российским скипетром, так что, помимо идиша, немецкого и польского, он вскоре овладел и русским языком. Радом, что на реке Млечна, в 100 километрах от Варшавы, был столицей Сандомирской губернии с населением около 30 тысяч человек. Хотя иудеи составляли 14 % горожан, у них долгое время не бы-

Лев Иосифович Бердников родился в 1956 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской государственной библиотеки, где в 1987–1990 годах возглавлял научно-исследовательскую группу русских старопечатных изданий. В 1985 году защитил диссертацию «Становление сонета в русской поэзии XVIII века». С 1990 года живет в Лос-Анджелесе. Автор книг: «Счастливый Феникс: Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII — начала XIX века» (СПб., 1997; 2-е изд. 2013); «Щеголи и вертопрахи. Герои русского Галантного века» (М., 2008); «Евреи в ливреях. Литературные портреты» (М., 2009); «Шуты и острословы. Герои былых времен» (М., 2009); «Евреи государства Российского XV — начало XX вв.» (М., 2011); «Jews in Service to the Tsar» (Montpelier, 2011); «Русский Галантный век в лицах и сюжетах», Т. 1–2 (Montreal, 2013); «Евреи в царской России: сыны или пасынки?» (СПб., 2016); «Силуэты. Еврейские писатели XIX — начала XX вв.» (Оттава, 2017) и нескольких сотен публикаций в России, США, Канаде, Англии, Израиле, Германии, Дании, Латвии, Украине, Беларуси, Молдове. Тексты Л. Бердникова переведены на иврит, украинский, датский и английский языки. Член Русского ПЕН-центра, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Союза русскоязычных писателей Израиля. Член редколлегии журналов «Новый берег» (Дания) и «Семь искусств» (Германия), зам. главного редактора журнала «Слово/Word» (США). Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси. Историческая публицистика». Почетный дипломант Всеамериканского культурного фонда имени Булата Окуджавы.

ло даже своего погоста (еврейское кладбище открылось в 1831 году). А в 1827 году местная еврейская община выкупила здание костела, возвела новую башню и перестроила его в синагогу.

Селим Блох открыл мастерскую по окраске шерстяных изделий. Благосостояние его оценивалось разное: от вполне успешного фабриканта до чуть ли не пролетария, с трудом содержавшего свою многодетную семью.

Блохи были вполне ассимилированными. Вплоть до того, что старший сын Селима, семнадцатилетний Фердинанд Адольф (1825 — после 1881), в будущем купец и строитель железных дорог (правда, не сумевший достичь успеха), перешел в аусбургско-реформатское исповедание, достаточно распространенное в тех пограничных районах. Показательно, что в эту веру обратился в 1845 году и крупнейший банкир Царства Польского Леопольд Станислав Кроненберг (1812—1878).

Наш герой, Ян Готтлиб Блох, седьмой из девяти детей Селима, жил с оглядкой на старшего брата, которому всячески подражал, и в 15 лет тоже стал протестантом. Работать наш отрок начал рано: в 14 лет перебрался в Варшаву, где поначалу трудился в одной небольшой конторе, а затем был мелким банковским клерком в фирме Симона Самуэля Теплица (1795—1865), где и приобрел первый коммерческий опыт. Неизвестно, учился ли он в хедере или в какой-либо другой школе. Но очевидно, что начальное образование получил, иначе не сдал бы вступительные экзамены в Варшавское реальное училище. Помимо иностранных языков, там преподавались прикладные дисциплины: механика, химия, а также технологические и коммерческие предметы. Курс обучения длился семь лет и был им завершен в 1854 году.

А в 1856 году он неожиданно принимает католицизм, что практически резонами объяснить трудно: все христианские «иностранные исповедания» пользовались в империи равными правами, так что никаких новых привилегий он не получил. Другое дело, что в католической Варшаве стать католиком было оправданней. Впрочем, скорее всего, он вновь последовал за многоопытным братом. Авторитетная «Еврейская энциклопедия Брокгауз и Ефрон» указывает, что Ян Готтлиб «крестился по семейным обстоятельствам». Правда, современники сомневались в искренности этого «дважды перекрещенца», поскольку он не посещал ни костела, ни кирхи: по-видимому, был агностиком, если не сказать атеистом. Исследователь Алексей Вольнец отмечает в связи с этим, что религия была для юноши лишь «рабочим инструментом» в жизни и деятельности.

Вскоре Ян Готтлиб направился в Санкт-Петербург, где на русский манер стал именоваться Иваном Станиславовичем и переделал свою типично еврейскую фамилию на более нейтральную — Блюх. В это время Россия переживала железнодорожный бум, и наш герой, опять вослед старшему брату, с головой ушел в этот перспективный бизнес. Начинать он мелким подрядчиком Петербургско-Варшавской железной дороги, брал подряды на обустройство какой-нибудь станции или платформы. Позже, являясь уже концессионером, строил часть Либаво-Роменской железной дороги.

Стремясь разобраться во всех тонкостях нового дела, он, как выпускник реального училища, не мог продолжить образование в российском университете, поэтому направился в Берлин, где слушал лекции по математике, физике и инженерному делу, а также по экономическим и общественным наукам. Упорно работая, много читая и наблюдая, он сумел стать глубоко образованным человеком. Современники называли его «самородком-автодидактом».

В Варшаву он вернулся уже «миллионщиком», открыл банковскую контору, купил престижный дом. И все это на радость молодой жене, Эмилии Юлии Кроненберг (1845—1921), племяннице крупного финансиста Леопольда Кроненберга, которого называли Железнодорожным Королем Царства Польского. Их брак, в котором роди-

лось семеро детей, был заключен в 1862 году и слыл вполне счастливым. Кроненберг считал Ивана надежным партнером и назначил своим финансовым советником. Но, к всеобщему удивлению, Иван развил такую бурную деятельность, что на почве разногласий с контрактами вдрызг разругался со своим собственником. Их затяжной конфликт рассматривали как «противоречие старой и новой буржуазии», причем новое взяло верх: Блюх получил право самому называться Железнодорожным Королем.

Он строил Ландварово-Роменскую, Ивангородо-Домбровскую железные дороги, был учредителем и председателем правления акционерного общества Киево-Брестской, Либаво-Роменской, Лодзинской и Тираспольской железных дорог. Помимо железнодорожных предприятий, он основал несколько частных банков, кредитных и страховых учреждений. Неудивительно, что он стал членом Совета Польского банка, председателем Общества купцов и президентом Биржевого комитета.

В бытность Блюха главой Общества Юго-Западных железных дорог случилось крушение царского поезда в Борках (позже выяснилось, что в результате подрыва). Александр III сказал в сердцах: «На вашей дороге нельзя ездить, потому, что ваша дорога жидовская». Впрочем, это вовсе не означало, что царь ставил под сомнение важность и полезность самого железнодорожного строительства. И в этом с ним были солидарны даже публицисты-славянофилы. Так, Иван Аксаков говорил о том, что такие дороги отвечают настоящим потребностям русского народа, который, «не заботясь об наших опасениях и поэтических сожалениях, не питает к железной дороге никакой ненависти, находит ее очень выгодною, охотно по ней катается... и не прочь устроить ее в других местах». А вот нынешние евразийцы, в отличие от своих предшественников, стоят на архаично-консервативной позиции: «Десакрализация прокладывает повсюду рельсы... Железная дорога родилась именно тогда, когда „Бог умер“». И это в XXI-то веке!

Блюх был не только практическим деятелем, но и теоретиком железнодорожного дела. В 1864 году он составил записку о правильной постановке этой отрасли государственного хозяйства. А его первая книга «Русские железные дороги» (на русском и французском языках с 12 картограммами, СПб., 1875) явилась первым в России серьезным опытом разработки железнодорожной статистики и политики и на географической выставке в Париже была награждена медалью. Интересна также его монография, с атласом и графиками, «Исследование по вопросам, относящимся к производству, торговле и передвижению скота в России и за границей» (1876), а также «О взимании русскими железными дорогами провозных плат в металлической валюте» (1877). В защиту интенсивного железнодорожного строительства в России (за 11 лет было построено 20 тысяч верст!) Блюх напечатал в «Вестнике Европы» целый ряд статей. Но главным трудом в этой области стала его капитальная монография «Влияние железных дорог на экономическое состояние России» — пять увесистых томов, с графическим атласом и таблицами (СПб., 1878; вышла также на польском и французском языках) — и тогда же на Всемирной выставке в Париже была отмечена Большой золотой медалью.

Понятно, что столь монументальный труд с самыми разноплановыми данными, грудой цифр, графиков, диаграмм, статистических выкладок, не мог быть выполнен в одиночку. Здесь потребовалось участие многих специалистов, работу которых автор организовал и щедро финансировал. По заданию Блюха каждый из них должен был сосредоточиться на своем узкоконкретном участке.

Премьер-министр Сергей Витте привел забавный эпизод с генерал-лейтенантом, инженером-строителем Станиславом Кербедзем (1810—1899), в свое время помощником управляющего работами по сооружению Петербургско-Варшавской желез-

ной дороги, который «знал Блюха еще маленьким жидком и всегда называл на ты». Иван преподнес ему свой многотомный опус. «Тот поблагодарил его за подарок и наивно спросил, прочел ли тот сам этот труд. Блюх очень обиделся». И добавим: имел на это все резоны.

Степень участия Ивана в изданных под его именем книгах раскрыл его многолетний сотрудник, экономист Андрей Субботин (1852—1906): «Мы не раз имели случай удостовериться, что И. С. лично изучал источники, делал отметки, намечал таблицы, планировал графики, составлял не только программу труда, но и основной текст, а также все выводы; своим же сотрудникам поручал лишь черновую работу, выборку статистических данных, подсчет таблиц, выписку и перевод своих пометок, но лично собирал и располагал весь материал, снабжал таблицы и графики комментариями. Не делают ли то же самое многие ученые и все те, которым дорого время, т. е. оставляют себе, так сказать, структуру труда, а механическую работу поручают другим. От этого труд только выигрывает, становится более производительным; является возможность больше сделать за то же время». Говоря современным языком, Блюх был неутомимым генератором идей. Он координировал работу целого института, который привел в движение и занял в нем место главного научного руководителя.

Недоброхоты корили Блюха в жажде славы, забывая о его бескорыстном и страстном самопожертвовании, о том, что научно-просветительская работа стала для него обязательным, личным делом. Вот как ответил на подобные выпады осведомленный биограф: «И в преклонном возрасте, когда люди начинают жить для себя, становятся эгоистичными, он проводил почти все время среди книжной пыли, за разборкой материалов, за чтением литературных новинок, иногда забывая при этом о таких прозаических вещах, как правильная еда, сон, прогулки, предписания докторов. Нельзя не ставить ему в большую заслугу, что вместо удовлетворения тщеславия, подобно большинству других богачей, взамен широкого пользования утехами жизни, он затратил не одну сотню тысяч на обширные и ценные исследования, интересные и для ученых, и для администраторов, и просто для образованных людей».

Заслуги Блюха получили широкое признание: в 1877 году он стал членом Ученого комитета Министерства финансов, статским советником, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и возведен в дворянское достоинство. А уже в 1882 году он вместе с сыном Генрихом Яном и дочерьми Марией, Екатериной, Александрой, Эмой, Эмилией и Иоанной Марией был утвержден и в потомственном дворянстве, с правом на внесение в третью часть «Дворянской родословной книги». Был сочинен и герб Ивана Блюха: в лазоревом щите половина серебряного кольца, концами вниз. На кольце серебряное острие от копья. Внизу серебряное колесо с восемью спицами. На щите коронованный шлем; в качестве нашлемника — три страусовых пера, среднее серебряное, крайние лазоревые. На щите лазоревый намет, подложенный серебром. Красноречив и девиз, набранный серебряными буквами на лазоревой ленте: «OMNIA LABORE» («Все трудом»), что вполне соответствовало неукротимой работе нашего героя.

Иван Станиславович считается автором значительных трудов по экономической истории России, включая Царство Польское. Это крупные обобщающие исследования глобальных сторон государственного управления. Достаточно сказать, что на польском языке были изданы его книги «Фабричная промышленность в Царстве Польском» и «Земля и ее задолженность в Царстве Польском». Он также поместил ряд статей по железнодорожным и финансовым вопросам в журналах «Biblioteka Warszawska» и «Ateneum».

В 1882 году выходит в свет четырехтомный труд Блюха «Финансы России XIX столетия». Это исторический очерк государственного финансового управления импе-

рии, начиная с подымных и подушных податей допетровской Руси и завершая «Новым таможенным тарифом» Николая I. Даются развернутые данные о государственных доходах и расходах, а также характеристики деятелей (прежде всего государей и министров), так или иначе влиявших на финансовый климат в России. Материал выстроен в хронологической последовательности. Интересно, что Блюх вносит в текст свое авторское отношение. Так, эпоху Николая I он называет «безусловная реакция». Труд дополнен томом, включающим историю финансов Царства Польского до слияния их с общим российским бюджетом.

Согласно Блюху, для поправления российских финансов необходимо было изменение государственного устройства, ибо «будущность принадлежит развитию самоуправления: средство, давшее хороший результат во всем мире, произведет его и у нас, лишь бы оно явилось путем правильным, мирным и не слишком поздно». В случае же нежелания правительства дать волю частной инициативе, возможны и «насильственные народные движения». (Звучит остро современно, если обратиться к нынешним реалиям, не правда ли?) Но не случайно такая позиция вызвала резкую критику известного «охранителя» Михаила Каткова. Он корил Блюха за то, что тот старается «поселить в обществе недоверие к производительным силам страны и к трудовым способностям народа». Понятно, что в своих выводах прогрессист и космополит Блюх ориентировался на стремительное развитие капитализма в России как органической части процесса общемирового. И показательно, что «Финансы России...» были переведены на французский, немецкий и польский языки.

В том же ключе выполнены и финансово-экономические исследования «Мелиорационный кредит и состояние сельского хозяйства в России и иностранных государствах» (2 изд.: 1890 и 1896) и «Задолженность землевладения в Царстве Польском» (1894). Широта научных интересов Блюха поражает. Как отмечает израильский историк Эла Бауэр, по своей универсальности и многогранности он явил собой пример деятеля «возрожденческого типа». Даже Сергей Витте, относившийся к Ивану Станиславовичу с явной неприязнью, назвал его «человеком по природе не глупым, в высшей степени образованным и талантливым».

Немудрено, что Блюх, став одним из самых крупнейших предпринимателей России, не только дослужился в 1887 году до генеральского чина, но и негласно назначал министров в царском правительстве. Так было с профессором Иваном Вышнеградским (1832–1895), одним из известных российских ученых XIX века, основоположником теории автоматического регулирования и руководителем Санкт-Петербургского технологического института, который благодаря Блюху стал министром финансов. Несмотря на то, что они были такими разными (Блюх — убежденный космополит и агностик; Вышнеградский — консерватор, истово православный и империалист), но им сообща удалось быстро сократить бюджетный дефицит страны и увеличить золотой запас, что позволило вскоре ввести в обращение золотой рубль. Впрочем, и Вышнеградскому, и Блюху эти достижения были нужны не только для укрепления мощи империи, но и для грандиозной операции по выкупу частных железных дорог России в госсобственность. Эта схема принесла министру Вышнеградскому и его бизнес-партнеру Блюху фантастические прибыли.

Один из первых среди ученых, Иван Станиславович занялся проблемами взаимоотношения войны и политики, войны и экономики. Он предпринял попытку раскрыть причины, характер и масштабы вооруженной борьбы в будущей войне европейских стран. Ему удалось привлечь к работе целый штат экономистов, статистиков, инженеров, а также военных из генеральных штабов европейских стран, прежде всего России и Германии. Был собран огромный фактический материал. Это позволило ему рассмотреть проблемы мобилизации, сосредоточения и стратегического раз-

вертывания армий Австро-Венгрии, Германии, России и Франции, а также определить вероятные способы ведения войны.

Первые результаты этого исследования Блюх начал публиковать в 1892 году в русской и польской, французской и немецкой периодике. Реакция общественности была в целом доброжелательной и подвигла его продолжать начатую работу, которую он завершил в 1898 году изданием капитального шеститомного труда «Война. Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях» (4 тысячи страниц текста и 1 том картограмм!). Блюх считал себя обязанным привлечь внимание к факторам, игравшим существенную роль в будущей войне. Концепция войны Карла фон Клаузевица как инструмента национальной политики осталась в прошлом. Трезвый и добросовестный анализ фактов привел ученого к выводу, что в грядущих боестолкновениях победителей не будет, ибо за ними последуют миллионы жертв, разруха, голод, революция. Он горячо призывал к разоружению и всеобщему миру. Надо сказать, что такие мысли он высказывал еще Александру III, но тот, несмотря на свою репутацию Миротворца, слушал его вяло, и встреча оказалась бесплодной. Не то Николай II, который, узнав, что книга задержана цензурой, не только санкционировал публикацию, но и способствовал ее популяризации. Этому предшествовали его неоднократные многочасовые беседы с Блюхом, после чего император настолько проникся идеей всеобщего мира, что встал за нее горой. И императрица Александра Федоровна, с которой также говорил Блюх, горячо поддержала его пацифистские взгляды. Одобрили августейшие особы и инициативу созыва международной мирной конференции по разоружению, на чем настаивал ученый. С их поддержкой труд был издан на польском, немецком, французском и английском языках. Интересно, что почти столетие спустя книга будет переиздана на английском и французском. Имеется также и ее издание на иврите.

Согласно Блюху, война и мир — это результат целого ряда причин, начало которых исчезает в «тумане доисторического быта обществ». При этом война так тесно соединилась с историей человечества, играла столь выдающуюся роль во всех фазах развития, с ней связаны столь многие, дорогие для каждого народа воспоминания, что до последнего времени люди не только не чувствовали к ней отвращения, но, наоборот, окружили ее блеском почета. Но к концу XIX века многие в Европе стали настаивать на несовместимости милитаризма и мирового прогресса: война неприемлема не из-за высокой морали и религиозных воззрений, а просто потому, что в индустриальном обществе она несет разрушительный эффект. Если говорить о традиции, то взгляды Блюха впитали в себя идеи польского позитивизма, западного идеализма, философов Анри Сен-Симона, Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера и др.

Блюха называют пророком, предвидевшим ход Первой мировой войны. Он и в самом деле предрек использование новой военной техники ((бездымного пороха, скорострельных винтовок, пулеметов), снижение важности кавалерийских и штыковых атак, новые условия войсковой разведки, использование не слыханной тогда авиации («кораблей, носящихся по воздуху»). Война будет позиционной, с большим преимуществом обороняющихся перед наступающими. Возникнут протяженные фронты. Бои затянутся на годы и станут войной на истощение. Он предсказал «снарядный голод» и «хлебный кризис», которые в 1915–1916 годах охватят воюющие страны; дефицит младших офицеров и «ослабление в войсках руководства»; решающую роль окопов, полевых укреплений; применение подводных лодок и, конечно же, чудовищные потери всех воюющих сторон. Блюх горячо пропагандировал мысль о всеобщем разоружении, доказывая, что в этом заключается спасение не только Европы, но и всего человечества.

Его идеи были поддержаны Николаем II, который выступил с инициативой созвать Гаагскую мирную конференцию. Этот прозвучавший из Санкт-Петербурга призыв поразил глав европейских государств. Некоторые его приветствовали, заявляя, что русский царь станет известен в мировой истории как Николай Миротворец. На конференции, проходившей 18 мая — 29 июля 1899 года, приняли участие представители 20 европейских стран, а также Мексики, Японии, Китая, Сиамы и Персии. И хотя сам Блюх не был включен в состав российской делегации, он выступил здесь с серией публичных лекций: о будущей войне с экономической точки зрения, о развитии огнестрельного оружия, о трудности мобилизации современной армии, о грядущих морских баталиях. Кроме того, участникам конференции раздавали экземпляры его труда. Так что вовсе не случайно его назвали «Человеком, созвавшим мирную конференцию». При этом председатель конференции Егор де Стааль назвал Блюха «замечательным человеком» и добавил: «Он хочет доказать, что всеобщий мир вовсе не утопия, но при современном состоянии армии и вооружения утопией для цивилизованных стран становится война. И он прав».

Впрочем, некоторые генералы восприняли труд Блюха со скепсисом. Они придирчиво выискивали ошибки в его прогнозах — благо в шести объемных томах их было немало. Автора осуждали и как еврея, и как пацифиста, сумевшего привлечь на свою сторону всесильного российского императора. Особенно много оппонентов было у него в Германии. Граф Георг Герберт Мюнстер видел в разглагольствовании о всеобщем мире сговор России и Франции против Германии. А кайзер Вильгельм II прямо телеграфировал Николаю II: «Вообрази монарха, распускающего свои полки, овеванные вековой историей, и предающего свой народ анархии и демократии». Даже принц Уэльский Эдуард VII заявил о бессмысленности предложений Блюха. Зато Лев Толстой назвал его книгу «прекрасно составленным и очень полезным сочинением».

Конференция не сократила роста вооружений, не предотвратила Англо-бурскую и Русско-японскую войны, а только урегулировала способы мирного решения вопросов. Иван Станиславович не обольщался относительно ее результатов: «Большая война в ближайшем времени маловероятна... Но о вечном мире можно только мечтать; летопись войн нельзя считать окончательно закрытой, и опасность далеко еще не исчезла». Примечательно, что Блюх вместе с Николаем II был в 1901 году номинирован на первую Нобелевскую премию мира. Получил ее, однако, швейцарец Анри Дюнан, создатель Международного Красного Креста. Но сам факт его номинации говорит сам за себя.

Последним памятником пацифистских идей Блюха стал созданный им рукотворный Музей мира и войны (Люцерн, Швейцария), где собраны ценные коллекции оружия, обмундирования, картины батальной живописи. Но открылся он уже после его смерти, в июне 1902 года...

Интересен словесный портрет Блюха, нарисованный на закате его дней русско-еврейской писательницей Рашель Хин (1863—1928): «Совсем еще бодрый старик с белой, по-французски подстриженной бородой и гладкой, как слоновая кость, лысиной, обрамленной гладкими седыми волосами. Лицо семитического рисунка, но смягченное годами покоя и власти; ласковые, умные, выцветшие, „испытующие“ глаза... Манеры простые, спокойные... Такого приятного self made man я до сих пор не встречала. Собеседник он очень интересный». К тому же Хин была свидетельницей романтических отношений Блюха и ее подруги, бывшей жены известного скрипача Надежды Ауэр (1855—1932), что характеризует его как человека пылкого, способного на идеальное чувство, ну точно как лирический герой Федора Тютчева:

О, как на склоне наших дней
 Нежней мы любим и суеверней...
 Сияй, сияй, прощальный свет
 Любви последней, зари вечерней!

«Иван Станиславович, хоть и был уже в возрасте, тут же влюбился, — сообщает Хин. — Похоже, впрочем, что все было вполне платонически... Так вот Блюх стал регулярно давать ей большие суммы денег „на жизнь“. Чтобы сгладить неловкость ситуации, была придумана успокоительная теория, что это „в долг“. Когда-нибудь Надежда Евгеньевна продаст свое имение под Самарой и все вернет. Это „когда-нибудь“ тянулось неопределенно долго, и получилось так, что имение она продала только после его смерти».

Хотя своим крещением Блюх вроде бы снял с себя «кандалы еврейства», он не отрестился от своего народа и верил в достойное место евреев в новом космополитическом обществе. Он горячо поддерживал еврейскую филантропию в Варшаве, Радоме и Петербурге. Инициировал он и меморандум от Варшавской биржи ценных бумаг в защиту евреев от дискриминации по майским законам 1882 года и нераспространении их на Царство Польское — и своего добился! В 1885 году по поручению председателя Высшей комиссии по пересмотру законов о евреях Константина Палена (1833—1912) он представил записку «О приобретении и арендовании евреями земли» и неоднократно составлял для официальных сфер докладные записки по еврейскому вопросу. Он щедро субсидировал Еврейское колонизационное общество, а также публикацию книг на идиш в помощь эмигрантам в США и Аргентине. Проявлял живой интерес к сионизму и стал товарищем Теодора Герцля (1860—1904), по просьбе которого в 1899 году Блюх смог получить разрешение властей на свободную продажу в России акций Еврейского колониального банка. Близко сошелся он и с другими сионистами: пионером журналистики на иврите Нахумом Соколовым (1859—1936) и экономистом Йозефом Киршротом (1842—1906), которые по его заданию собирали статистические данные о евреях Польши. Финансировал он и еврейские культурные проекты, стал спонсором журнала классика еврейской литературы на идиш Ицхока Лейбуша Переца (1852—1915) «Yidishe bibliotek».

Блюх старался использовать свои обширные личные связи, чтобы побудить правительственные круги облегчить положение евреев. Он организовал специальное «бюро печати», в котором обрабатывались оперативные материалы по еврейскому вопросу и трактовались факты, имевшие значение для разработки официальных законопроектов. К делу были привлечены талантливые публицисты, подготовлены злободневные статьи. Однако публиковать подобные тексты оказалось делом многотрудным, потому от этой идеи им пришлось отказаться.

Судьбоносной для Блюха стала его встреча с писателем и правозащитником Николаем Бакстом (1842—1904). Боевитый публицист, он печатал статьи по еврейскому вопросу в газетах «Голос», «Московских -» и «Петербургских ведомостях», написал апологетическую книгу «Русские люди о евреях», конечно, сразу же запрещенную цензурой. Несколько лет работал в комитете «Общества распространения просвещения между евреями в России», но особенно много потрудился в созданном по его инициативе «Временном комитете ремесленного и земледельческого фонда». Это Бакст навел Блюха на мысль об исследовании экономического и морального состояния евреев в России.

В этой связи необходимо вспомнить высказывание Михаила Салтыкова-Щедрина: «Относительно еврейского вопроса ходят в совершенных потемках, не имея о нем никаких фактов, кроме предания, правда, давно уже утратившего смысл, но

доселе сохранившего еще свою живость». И в самом деле, источников статистических данных по этому вопросу почти не существовало. А те, что имелись, не содержали необходимых подробностей. Все это давало антисемитам, в том числе из властей предрешающих, руководствоваться смутными догадками и случайными обобщениями и говорить о вредности иудеев во всех сферах экономической и хозяйственной деятельности.

С завидной энергией приступил Иван Станиславович к собиранию точных данных об экономическом положении и роли евреев в черте оседлости. Его помощники работали в различных учреждениях, казенных палатах, пользовались также официальными отчетами, протоколами, статистическими обзорами, докладами комиссий и неопубликованными трудами Высшей комиссии. Систематизировал же и обобщал материал сам Блюх. Адвокат Генрих Слиозберг (1863—1937) вспоминал: «Блюх так увлечен был своей работой, что часто, отправляясь в Петербург, брал с собой в дорогу статистический материал, касающийся еврейского вопроса, и в вагоне работал над ним; во время своего пребывания в Петербурге, в свободные от различных посещений минуты, он также отдавался обработке этого материала. Как близко этот железнодорожный и банкирский деятель принимал к сердцу то дело, которому он посвятил столько внимания!»

Работа Блюха «Сравнение материального и нравственного благосостояния губерний западных, великороссийских и польских» (1891) вылилась в форму обширного пятитомного сочинения, включавшего в себя до 140 таблиц и до 350 графиков и картограмм, наглядно пояснявших текст. Следуя строго индуктивному методу, автор взял себе за правило судить только о вопросах, доступных проверке цифрами. Иными словами, он руководствовался статистическим законом больших чисел, согласно которому для правильного вывода должно быть взято наибольшее число зарегистрированных фактов.

Исследование предварял очерк о современном антисемитизме в его «экономически-передовой», «христианско-социалистической», народнической и консервативной версиях. Он констатировал, что правительство априори исходило из идеи вредности евреев и намеревалось изучить лишь степень этого вреда в тех или иных отраслях экономической и общественной жизни.

Блюх приступил к работе без всяких предвзятых мыслей, отрешившись от племенных, религиозных и других предубеждений против евреев, не зная и сам, какие выводы получатся в результате. Однако, как отметила Рашель Хин, представленная им картина «получилась потрясающая».

Оказалось, что по сравнению с великоросскими губерниями в черте еврейской оседлости народное благосостояние — выше, прирост крестьянского населения — больший, скотоводство и продовольственная часть в более благоприятном положении. Что до нравственного состояния, то умышленных убийств, других серьезных преступлений, а также торговых плутней среди евреев меньше, чем у неевреев, что показывает статистика судимостей. Домов терпимости и тайных притонов по отношению к населению городов в черте оседлости в 12 раз меньше. Блюх писал: «Что касается до внутреннего и семейного быта самих еврейских обществ, то чистота их нравов, высокое уважение к науке, безусловная трезвость, бережливость и постоянная деятельность достаточно всем известны и не могут не служить им в похвалу».

Опровергает он и господствующее предубеждение, будто евреи столь плодovitы, что могут получить перевес над остальным населением. По его данным, евреи в черте составляют лишь 8,4 %, и прирост их меньше, чем у других национальностей.

И пресловутое обвинение евреев в спаивании русского народа на поверку оказывается ложным: «Жалобы на пьянство преимущественно относятся к губер-

ниям великорусским, гораздо меньше к губерниям малороссийским и новороссийским, и почти вовсе не заявлялись по губерниям западным и прибалтийским», — отмечает автор. В черте оседлости и пьянства меньше, и вино продается дешевле, а существование мелких сельскохозяйственных заводов возможно только благодаря дешевому еврейскому труду. Да и прибыль у еврейских кабатчиков гораздо меньше, чем у русских: «От этой бедности шинкарей пьющий народ черты оседлости ежегодно выигрывает 8 миллионов рублей, и многие лишние миллионы взимает также и государственное казначейство».

Очевидна для него и экономическая польза еврейской торговли. Ведь жесткая конкуренция привела к тому, что цены на товары доведены в черте оседлости до практического минимума. В то время как русские торговцы, получая 10–15 % прибыли, считают, что торгуют себе в убыток, евреи довольствовались 2–5 %. Зато еврейская среда дает относительно в пять раз больше мелочных торговцев, чем лица других исповеданий, причем такая торговля приводит с вопиющей нищете. Да и вообще 90 % еврейского населения составляет ничем не обеспеченная масса. Даже процент домовладения у евреев меньше. «Можно ли говорить о разорении сельского населения евреями, — полемизирует Блюх, — ввиду того непреложного факта, что эксплуатируемые, то есть крестьяне, живут в черте оседлости гораздо лучше, а эксплуататоры-кровопийцы представляют собой самую неприкрытую голытьбу, проклинающую день своего рождения».

Вопреки мифу о том, что евреи чужаются физического труда, выяснилось, что десятки тысяч из них трудятся рабочими, носильщиками, возчиками, сплавщиками, водовозами, садоводами, поденщиками, кустарами, кузнецами, слесарями. Особенно много евреев-ремесленников — всего 450 тысяч человек, и еще 139 тысяч землевладельцев, огородников, садоводов, табаководов, виноделов. (Не отсюда ли проистекают поразительные результаты сельского хозяйства современного Израиля, одного из самых успешных в мире? — Л. Б.). При этом многие евреи-земледельцы, плотовщики, огородники принимают даже своеобразный облик сельчан, усваивая простонародную речь, приближающую их к крестьянскому типу.

Тем самым Блюх развенчивал расхожее мнение о том, что евреи не занимались земледелием и пользовались землей только для сдачи ее в чужие руки, не желая работать сами. Он обследовал хозяйства евреев в западных губерниях и сообщил, что, невзирая на чинимые им препоны, 75 % находятся в хорошем и среднем положении. А изучение 17 земледельческих колоний в Новороссии показало, что евреи возделывали землю и вели дело весьма серьезно. В 10 колониях Екатеринославской губернии евреи обрабатывали 84 % всей земли сами, без найма рабочих. И это при том, что возможность приобрести в собственность даже кусочек земли была для них закрыта.

Касается Иван Станиславович и вопроса о дискриминационной процентной норме для иудеев при поступлении в гимназии и университеты, вызванной, по его разумению, исключительно боязнью конкуренции с их стороны. Однако, несмотря на все преграды, в России уже возникла еврейская интеллигенция: врачи, адвокаты, художники, журналисты, ученые, служащие в акционерных компаниях.

В результате Блюх приходит к выводу, что господствующее в правительственных сферах неблагоприятное мнение о евреях ничем не обосновано, что нападки на них ложны и несправедливы и что необходимо отменить все ограничительные меры для иудеев. По мнению историков, более детального, добросовестного и основательного статистического обследования положения евреев и их экономической роли в России еще не было.

Труд был опубликован, но сразу же подвергся цензурным гонениям. Продолжение его было признано «излишним», и он так и остался неоконченным. Дело дошло

до того, что вопрос о распространении книги рассматривался в комитете министров, и она была признана настолько вредной, что был вынесен вердикт: арестовать и уничтожить издание. Лишь несколько экземпляров случайно уцелели в типографии Ефрона, где она печаталась. Впрочем, работа Блюха все-таки дошла до читателей: в 1901 году было опубликовано ее сокращенное издание, а основное содержание всего труда было изложено в обстоятельной статье Андрея Субботина «Еврейский вопрос в его правильном освещении» («Еврейская библиотека», 1903, Т. 10). Предвзятое отношение к жизни и деятельности еврейства в черте оседлости проявилось и у наших современников. Показательна в этом отношении нашумевшая книга Александра Солженицына «Двести лет вместе» (2001), в которой он ни полсловом не обмолвился о фундаментальных работах Блюха. И неудивительно, поскольку их выводы противоречили заданной концепции автора.

Ивану Станиславовичу Блюху была отпущена не слишком долгая, но яркая, насыщенная трудом и творчеством жизнь. И подводя итоги пройденного, он сказал на смертном одре: «Я был всю жизнь евреем и умираю как еврей». Так «дважды перекрещенец и космополит» обозначил главное и сокровенное содержание своей неутомимой деятельности.